

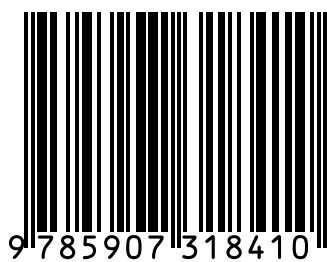
Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Будущее транслатерального мирового порядка: переосмысление глобального партнёрства в эпоху неопределённости

Кадзусигэ Кобаяси

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-41-0

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2021

Российская Федерация, 127051, Москва,
улица Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторе

Кадзусигэ Кобаяси

Научный сотрудник Центра изучения конфликтов, развития и укрепления мира Института международных исследований и развития, Швейцария; кандидат наук в области международных отношений и политологии

Содержание

3	Введение
6	Принципы транслатерализма
11	Практические методы транслатеральной дипломатии
	Транслатерализм Китая
	Транслатерализм Индии
	Транслатерализм Японии
	Транслатерализм России
22	Заключение

Введение

В недавно опубликованной в журнале *Russia in Global Affairs* статье американский профессор Марлен Ларюэль справедливо указала, что в современных политических комментариях слишком часто используется устаревший бинарный код, обладающий невысокой эвристической ценностью¹ и включающий предполагаемое противостояние между «демократическими» державами и «автократическими» соперниками. Бинарность насильно низводит различных акторов до грубых карикатур, одновременно провозглашая внутреннюю дружбу и внешнюю враждебность, оформленные в воинственном нарративе «мы против них». Со временем акторы, находящиеся во власти бинарного мышления, начинают некритически говорить о внутренней чистоте, единообразии и однородности как главном источнике силы. Становятся расхожими утверждения, что стабильный мировой порядок требует идеологического единства – чем более единообразны мы в нормативном отношении, тем стабильнее мировой порядок. Вероятно, поэтому многие исследователи и эксперты в области международных отношений игнорируют роль восходящих держав в изменении мирового порядка. Обычно говорят о том, что группа БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) вряд ли сыграет значимую роль в трансформации мировой политики, поскольку у входящих в неё государств нет единого видения. По словам американского политолога Джозефа Ная, «страны БРИКС слишком неоднородны политически и экономически, чтобы действовать заодно»².

Основная цель данного доклада – бросить вызов этому общепринятому взгляду. Предлагая новую аналитическую концепцию транслатерализма, я утверждаю, что единство не является ни необходимым, ни желательным условием реформирования мирового порядка в эпоху углубляющейся глобальной неопределённости. Напротив, больше всего нам нужны неформальные партнёрские отношения между *неединомышленниками*, выходящие за рамки традиционного бинарного мышления и, следовательно, обещающие больший потенциал для развития духа экспериментального творчества и взаимного обучения.

¹ Laruelle M. Accusing Russia of fascism // *Russia in Global Affairs*. 2020. V. 18. № 4. P. 100–123. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/accusing-russia-of-fascism/>. См. также её последнюю книгу Laruelle M. *Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East and West*. Ithaca: Cornell University Press, 2021.

² Nye J., Jr. BRICS without Mortar. *Project Syndicate*, 3.04.2013.

Исторически сложилось так, что коалиции не-единомышленников во многих случаях одерживали верх над союзами единомышленников³. Например, рассмотрим переделку европейского мироустройства в средневековье. С конца XIV века континент страдал от глобальной пандемии чумы (Чёрная смерть), которая, как полагали, возникла в Китае/Монголии, а затем захлестнула Аравию и Османскую империю и в конце своего пути опустошила большую часть Европы. Середина XV века стала свидетелем появления новых технологий (печатный станок Гутенберга), которые радикально изменили ландшафт распространения информации. Вслед за этими многочисленными и взаимосвязанными социально-политическими потрясениями в Европе XVI века возникли протестантские движения Реформации, которые бросили вызов исключительно моральному авторитету Ватикана⁴. Поначалу католические лидеры средневековья несерьёзно отнеслись к вызову протестантизма. В отличие от Ватикана, который представлял собой «сообщество, основанное на ценностях» католического нормативного единства с хорошо развитыми институциональными структурами⁵, протестантские движения включали в себя многочисленные внутриконфессиональные течения и не обладали последовательным и глубоким видением альтернативного постреформационного миропорядка. В свете этого многие средневековые католические лидеры сомневались, может ли простой «брак по расчёту» между разрозненными движениями, не имеющими общего видения, бросить вызов единой общине, объединённой общими ценностями, правилами и институтами католицизма.

В конце концов оказалось, что отсутствие нормативного единства среди протестантских движений *позволило* им фактически бросить вызов существующему католическому порядку. Вместо того чтобы цепляться за блоковое мышление, разнообразные протестантские оппоненты умело использовали реальные компромиссы, союзы и гибкие партнёрские отношения с не-единомышленниками⁶. Например,

³ Kobayashi K. Is normative power cosmopolitan? Rethinking European unity, norm diffusion, and international political theory. *Cooperation and Conflict*. 2020. V. 56. № 2. P. 181–203. См. также Deutsch K. W. Medieval unity and the economic conditions for an international civilization // *Canadian Journal of Economics and Political Science*. 1944. V. 10. № 1. P. 18–35.

⁴ См. Phillips A. *War, Religion and Empire: The Transformation of International Orders*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Chapters 3–5.

⁵ Bellomo M. *The Common Legal Past of Europe, 1000–1800*. Washington, DC: The Catholic University of America Press, 1995.

⁶ Об идеологическом столкновении католицизма и протестантизма, см. Owen J. M. *The Clash of Ideas in World Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2010. Chapter 4.

во время Тридцатилетней войны (1618–1648 годы) протестанты одержали победу над католиками, заручившись поддержкой Франции (крупнейшей католической державы в то время) и даже Османской империи.

Хотя подробные исторические исследования выходят за рамки данного доклада, ключевая макроисторическая закономерность, по-видимому, заключается в том, что преодоление блокового мышления необходимо для успеха в мире исключительной неопределённости. В своей книге «Команда соперников» (*Team of Rivals*) американский историк и лауреат Пулитцеровской премии Дорис Кёрнс Гудвин рассказала о способности Авраама Линкольна преодолевать традиционные политические разногласия и собирать команду, придерживающуюся различных ценностей и взглядов (включая его яростных критиков), что позволяло ему находить оптимальные решения и в итоге победить в Гражданской войне⁷. В данном докладе я называю такую практику «транслатерализмом» и утверждаю, что акторы с транслатеральным мышлением будут играть всё более важную роль в изменении международного порядка, поскольку практика транслатерализма позволяет им выходить из своих зон комфорта и создавать инклюзивные партнёрские отношения с обладателями различных ценностей и идентичностей.

Доклад состоит из четырёх частей. После краткого введения во втором разделе сформулированы принципы транслатеральной дипломатии, которая сознательно стремится преодолеть ведущую к слабости блоковую политику, выстраивать всеобъемлющие глобальные партнёрские отношения с не-единомышленниками и максимально использовать возможности для инновационного взаимного обучения. Создание таких коалиций не-единомышленников имеет решающее значение для усиления духа экспериментального творчества, необходимого для эффективного понимания мира сложных кризисов. В третьем разделе представлены примеры транслатеральной дипломатии с акцентом на Китай, Индию, Японию и Россию. В заключительном разделе делается вывод о том, что те страны, которые готовы отказаться от навязчивого стремления к международному единству и учиться строить партнёрские отношения с не-единомышленниками, окажутся наиболее подготовленными лидерами при реформировании мирового порядка.

⁷ Goodwin D. K. *Team of Rivals: The Political Genius of Abraham Lincoln*. New York: Simon & Schuster, 2005.

Принципы транслатерализма

В современной мировой политике под термином «мультилатерализм» принято понимать международное сотрудничество с участием трёх и более государств⁸. Это определение, однако, отличается от первоначального латинского значения термина. Слово *lateral* не имеет отношения к государствам или нациям, оно происходит от латинского *latus*, что переводится как «сторона» или «фланг». Это оригинальное значение до сих пор широко используется в медицине. Например, офтальмологи различают унилатеральную миопию (одностороннюю миопию правого или левого глаза) и билатеральную миопию (двустороннюю миопию). В этом свете мультилатерализм можно рассматривать как «многосторонность», когда субъекты, представляющие разные блоки («стороны»), объединяются для поиска сотрудничества, основанного на реальных компромиссах.

Несмотря на то, что мультилатерализм является основой глобального сотрудничества, он создаёт чреватое конфликтами впечатление, будто каждый субъект жёстко привязан к одной из сторон. Напротив, транслатерализм – это внешнеполитический подход, явно направленный на *преодоление* опасного блокового мышления путём установления инклюзивных, гибких и открытых партнёрских отношений, которые присущи всем существующим международным разногласиям. В этом ключе сущность транслатерализма заключается в *преодолении* бинарного мышления.

Бинарные системы – это когнитивные схемы, которые позволяют властям сводить сложные политические реальности к упрощённым дихотомиям. Бинарные системы служат мощным инструментом манипуляции, способным вызывать чувство враждебного единства («мы против них») и мобилизовывать политическую поддержку для тех или иных внешнеполитических действий. В вышеупомянутом случае Тридцатилетней войны бинарность католицизма/протестантизма была мобилизована обеими сторонами для построения воображаемого театра «религиозной войны», где католикам и протестантам якобы было

⁸ Ruggie J. G. Multilateralism: The anatomy of an institution // *International Organization*. 1992. V. 46. № 3. P. 561–598.

«суждено» столкнуться друг с другом в эпической борьбе за универсальный мировой порядок⁹.

В наше время преобладающий дискурс демократии/автократии аналогичным образом создаёт конструкт неотвязного призрака Войны режимов, когда автократиям «суждено» бороться с демократиями по всему миру¹⁰. Тем не менее так же, как и миф о религиозной войне, бинарный нарратив о Войне режимов в значительной степени является политической фикцией, которая ограничивает нашу способность исследовать факты непредвзято. Хотя доминирующие нарративы изображают Соединённые Штаты в качестве лидера «демократического» мира, мужественно противостоящего «автократическим» оппонентам – Китаю и России, такое грубое упрощение не выдерживает научного анализа. Данные показывают, что в действительности американское правительство рассматривается гражданами мира как самая большая угроза демократическому управлению. Опрос общественного мнения, проведённый по заказу *Alliance of Democracies Foundation* в 2021 году, показал, что «почти половина (44 процента) респондентов в 53 странах обеспокоены тем, что США угрожают демократии в их стране; страх влияния Китая, напротив, составляет 38 процентов, а страх влияния России самый низкий – 28 процентов»¹¹. Преобладающие бинарные нарративы неизбежной конфронтации «демократической» Америки с «автократическими» Китаем и Россией не только игнорируют мнения граждан всего мира, но и отвлекают внимание от сложных глобальных политических реалий.

⁹ См. Cavanaugh W. T. *The Myth of Religious Violence: Secular Ideology and the Roots of Modern Conflict*. Oxford: Oxford University Press, 2009. Кавано утверждает, что, хотя между различными конфессиональными группами, безусловно, существовала длительная конфронтация, большинство этих «религиозных» конфликтов имели последствия для светской жизни. Более того, он отмечает, что дискурс «религиозной войны» также является ретроспективным изобретением, глубоко укоренившимся в современном западном бинарном мышлении. В своих известных токийских лекциях французский философ Мишель Фуко также утверждал, что бинарность представляет собой сугубо западную логику политического мышления, глубоко укоренившуюся в его истории и интеллектуальной культуре. См. Foucault M., Watanabe M. *Theatrum Philosophicum*. Tokyo: Asahi Press, 2007.

¹⁰ Например, Фредерик Кемпе утверждает, что «глобальное соревнование демократических и авторитарных систем» резко дестабилизирует мировой порядок. Kempe F. Biden has a plan to rally the world's democracies and tackle threats together. *CNBC*. 13.09.2020.

¹¹ См. Guardian. US seen as bigger threat to democracy than Russia or China, global poll finds. The Guardian, 5.05.2021. Даже в Соединённых Штатах демократическое доверие к федеральному правительству рухнуло с зенита в 1964 году (77 процентов) до надир в 2011 году (15 процентов). О крахе общественного доверия к американскому правительству см. Pew Research Center. (2019). Public Trust in Government: 1958–2019. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2019/04/11/public-trust-in-government-1958-2019>.

Цель транслатерализма – выйти за пределы такого однобокого (и часто неточного) бинарного мышления, признав, что все международные акторы обладают множественными ценностями и сложными идентичностями, которые не сводятся к бинарным упрощениям. Даже несмотря на то, что мы можем признать существование определённых бинарных идентичностей (католическая/протестантская, демократическая/автократическая и так далее), транслатералисты сознательно отказываются использовать это различие как средство достижения манипулятивных целей. С точки зрения конкретной политической практики транслатерализм направлен на развитие инклюзивного партнёрства, объединяющего участников с разными ценностями и мировоззрениями. Такое партнёрство не-единомышленников вводит участников в запутанную реальность глобальной политики, вынуждает их покинуть свои дипломатические зоны комфорта и таким образом способствует минимизации риска инерционного группового мышления. Мой аргумент не противоречит теории разнообразия при принятии решений: «Межотраслевые исследования показали, что неоднородные по составу команды принимают правильные и более инновационные решения»¹².

Как говорилось выше, мировая история полна примеров, когда гибкие партнёрские отношения между не-единомышленниками решительно преобладали над основанными на ценностях союзами единомышленников. Во время Второй мировой войны Большому альянсу Советского Союза, Великобритании, Франции и США не хватало общих идеологических ценностей, общей политики безопасности или жёсткого институционального союза, но в итоге он одолел тоталитарную ось. Затем западный либеральный международный порядок выжил и процветал во время холодной войны именно потому, что был основан на множественных и сквозных партнёрских отношениях¹³. В 1950-х

¹² Koppell C., Brigety R. E., and Bigio J. Transforming International Affairs Education to Address Diversity, Equity, and Inclusion // *CFR Discussion Paper*, 21.03.2021.

¹³ В этом докладе я использую слово «Запад» как разговорное сокращение для обозначения доминирующих англоязычных глобальных элит, хотя сама идея Запада страдает ограничениями бинарности. О научном исследовании концепции Запада см. Henrich J. *The WEIRDest People in the World: How the West Became Psychologically Peculiar and Particularly Prosperous*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2020; Stuenkel O. Identity and the concept of the West: The case of Brazil and India // *Revista Brasileira de Política Internacional*. 2011. V. 54(1). P. 178–195.

годах НАТО превратилась в гибридный альянс, куда вошли самые разные государства, придерживающиеся самых разных взглядов – либеральные демократии (Канада), христианские демократии (Западная Германия), имперские державы, владевшие заморскими колониями и подданными (Великобритания, Франция, Бельгия и Нидерланды), военные диктатуры (Португалия и Греция) – и в то же время полагавшиеся на военное превосходство сегрегационистской Америки¹⁴. С самого начала гибридный Атлантический альянс был омрачён постоянными внутренними столкновениями. После Суэцкого кризиса 1956 года Соединённые Штаты вместе с Египтом выступили против Великобритании и Франции и даже пригрозили санкциями имперским европейским державам. В 1966 году Франция де Голля внезапно вышла из военной организации НАТО, а штаб-квартира НАТО была принудительно переведена из Парижа в Брюссель. Франция проводила откровенную антигегемонистскую внешнюю политику, вплоть до оказания военной помощи сандинистам Никарагуа¹⁵. В 1974 году союзники по НАТО Греция и Турция вступили в военное столкновение друг с другом, в результате чего, по некоторым оценкам, погибло около 10 000 мирных граждан и солдат.

В свете непрекращающихся внутренних конфликтов в НАТО советские официальные лица часто высмеивали Атлантический альянс как простой «брак по расчёту» между разрозненными участниками, у которых отсутствует общее видение; напротив, Варшавский договор изображался как «основанный на ценностях» альянс, объединённый общими коммунистическими принципами, институтами и политическими режимами. Однако, с точки зрения атлантических лидеров, отсутствие единства рассматривалось не как препятствие, а как основная сила либерального порядка, в котором различные партнёры могли свободно и открыто не соглашаться друг с другом в поисках работоспособных компромиссов для решения текущих политических задач. Например, в разгар кубинского ракетного кризиса представитель США в ООН Эдлай Стивенсон на экстренном заседании СБ ООН заметил:

¹⁴ См., например, Hellmann G., Herborth B., Schlag G., and Weber C. The West: A securitising community? // *Journal of International Relations and Development*. 2017. V. 20(2). P. 301–330.

¹⁵ Бонифас П. Франция: наследие де Голля и Миттерана. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 15.03.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsiya-nasledie-de-gollya-i-mitterana/>.

«Идее разнообразия коммунизм противопоставляет идею единообразия; идее свободы – неотвратимость; выбору – принуждение; демократии – догматизм; независимости – идеологию; толерантности – конформизм. Он верит в то, что железные законы истории потребуют от каждой нации пройти один и тот же предопределённый путь к одному и тому же предопределённому выводу. Учитывая эту веру в монолитный мир, само существование разнообразия представляет собой угрозу коммунистическому будущему. Я не утверждаю, что коммунизм всегда должен оставаться мессианской верой. Подобно другим фанатичным течениям прошлого, он может со временем утратить чувство непогрешимости и принять разнообразие человеческих судеб»¹⁶.

В конце концов гибридный альянс НАТО возобладал над «основанным на ценностях» Варшавским договором отчасти потому, что одержимость СССР навязчивым идеологическим единством привела к пагубному групповому мышлению, которое препятствовало политическим инновациям.

Хотя в данном докладе мы не можем более подробно изучать это утверждение в силу ограниченности её объёма, моя интерпретация согласуется с данными социологических, психологических и медицинских исследований о том, что однородные группы, состоящие из единомышленников, как правило, оказываются в ловушке инерции и с трудом добиваются успеха в быстро меняющемся мире¹⁷. И наоборот, участники с широкими взглядами, способные использовать как можно более широкие сети различных партнёров, с большей вероятностью добиваются успеха в беспокойном мире и адаптируются к меняющимся обстоятельствам. Для поддержания убедительности моей аргументации далее в докладе приводятся наглядные примеры транслатеральной внешней политики и раскрывается, как практика транслатерализма меняет глобальную политику.

¹⁶ Цитируется по Jones J. F. *A Rhetorical Analysis of Ambassador Adlai E. Stevenson's United Nations Address of October 3, 1962, During the Cuban Missile Crisis. Master's Thesis No.3923*. Charleston: Eastern Illinois University, 85, 1972.

¹⁷ Краткое изложение см. Fernandez C. P. *Creating thought diversity: The antidote to group think* // *Journal of Public Health Management and Practice*. 2007. V. 13 (6). P. 670–671.

Практические методы транслатеральной дипломатии

Транслатерализм Китая

В популярном дискурсе Китай представлен в качестве лидера «автократического» мира, который якобы угрожает соседним демократиям¹⁸. Как и многие другие узконаправленные бинарные нарративы, этот дискурс не является ни исторически точным, ни фактически убедительным¹⁹. Во многих отношениях то, что позволило Китаю подняться сегодня до положения потенциальной глобальной сверхдержавы, не свидетельство консолидации идеологической чистоты, а наоборот – принципиальное продвижение транслатеральной дипломатии в духе взаимного обучения и открытого экспериментирования.

Несмотря на то, что Китай часто изображают как архетипическую «антизападную» державу, нормативной основой китайской однопартийной системы является западная политическая философия коммунизма. Действительно, Китай – одно из немногих государств Азии, где белые западные политические теоретики (например, Карл Маркс) удостоены чести быть официально признанными национальными публичными интеллектуалами. Устойчивость и динамизм Китая как политической системы происходят не из внутренней идеологической однородности, а из транслатеральной эклектики. Современное китайское государство творчески сочетает в себе множество различных (и даже противоречащих друг другу) нормативных дискурсов, включая европейский коммунизм, американский коммерциализм, азиатский девелопментализм, конфуцианский морализм, китайский национализм и многие другие. В 1960-е годы советские идеологи говорили, что «нечистый» китайский коммунизм, страдающий от «националистического уклона», не сможет выжить в перспективе,

¹⁸ Myers S. L. An alliance of autocracies? China wants to lead a new world order // *New York Times*. 29.03.2021.

¹⁹ См. также Suzuki S. Chinese soft power, insecurity studies, myopia and fantasy // *Third World Quarterly*. 2009. V. 30 (4). P. 779–793.

поскольку ему не хватает нормативного единства; в реальности, однако, всё произошло наоборот: коммунистическая система Китая выжила и процветала на протяжении всей холодной войны и после неё не вопреки отсутствию чистоты, *а благодаря ему*. Внутреннее сосуществование множественных систем ценностей в китайском государстве позволило его центральному правительству заручиться поддержкой широчайших социальных масс и со временем укрепить свою политическую устойчивость²⁰.

Здесь не менее важно отметить, что успешный подъём Китая тесно связан с преодолением унилатеральной (односторонней) солидарности. Во время холодной войны Китай отказался продвигать основанное на ценностях единство с коммунистическим Советским Союзом, вместо этого сделав ставку на транслатеральную дипломатию путём создания широкой сети международных контактов. Преодолевая бинарность коммунистов/капиталистов, Китай заключил историческое дипломатическое соглашение с Соединёнными Штатами в 1971 году и успешно отобрал место постоянного члена в Совете Безопасности ООН у Тайваня в том же году. С конца 1970-х годов Китай также инициировал гибридные рыночные реформы и активно изучал передовой опыт западного делового мира. С начала 2000-х годов Пекин развивал свою транслатеральную дипломатию, возглавив и поддержав новые глобальные партнёрства. Вместо того чтобы оставаться в ловушке узкой бинарной системы демократии/автократии, Пекин расширил свои партнёрские отношения со всеми государствами, *независимо* от расы, религии, цивилизации и типа режима. Вопреки распространённому мнению о солидарности Китая с авторитарными режимами, исследования показывают, что Пекин наладил конструктивные партнёрские отношения почти со всеми латиноамериканскими демократиями²¹. Южная Африка стала основным дипломатическим партнёром Китая в рамках и за пределами сообщества БРИКС.

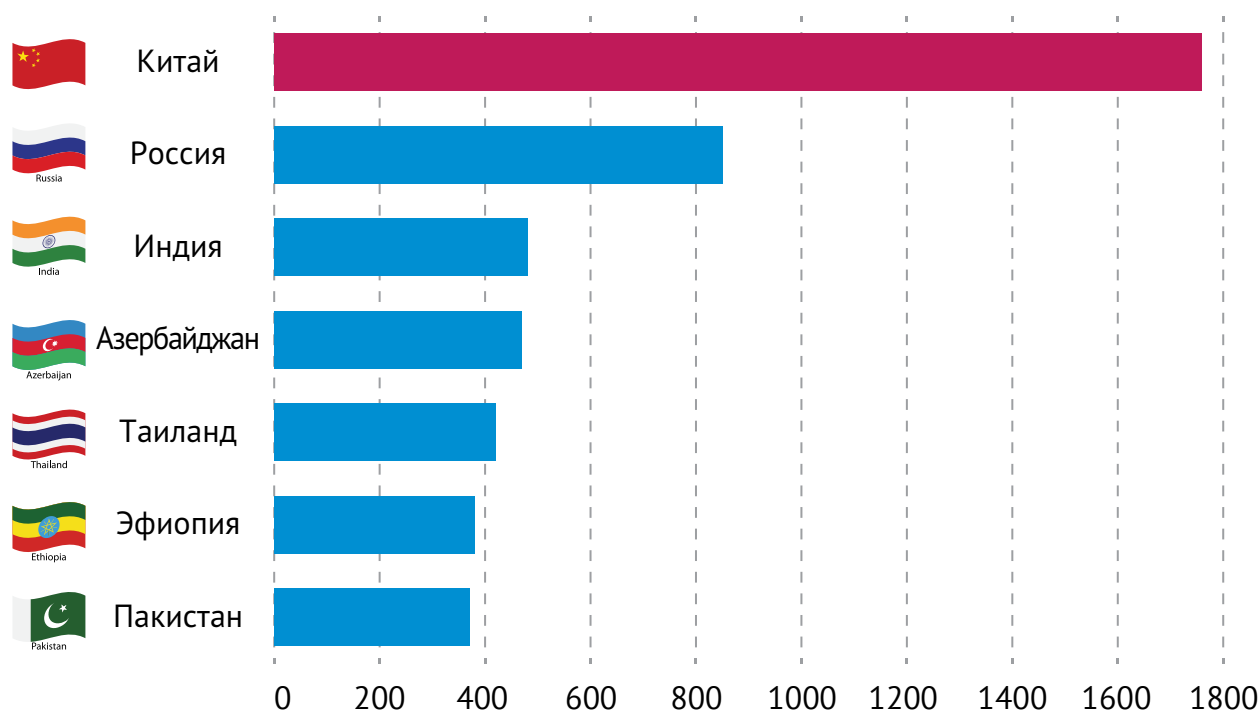
За последнее десятилетие Китай также усилил своё присутствие в Европе. В 2012 году Китай инициировал форум сотрудничества «17 + 1» и углубил свои партнёрские отношения с европейскими демократиями и демократизирующимися государствами.

²⁰ Это согласуется с выводами портфельной теории о том, что интеграция множества противоречивых элементов повышает стабильность системы. О портфельной теории и диверсификации см., например, Carroll D. A., and Stater K. J. Revenue diversification in nonprofit organizations: Does it lead to financial stability? // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2009. V. 19 (4). P. 947–966.

²¹ Dreher A., and Fuchs A. Rogue aid? An empirical analysis of China's aid allocation // *Canadian Journal of Economics*. 2015. V. 48(3). P. 988–1023.

Пожалуй, самый интересный случай в этом плане – Украина. Вопреки общепринятому бинарному нарративу о том, что Китай якобы стремится подорвать демократии по всему миру, (частичная) демократизация Украины с 2014 года предоставила Китаю более широкие возможности для взаимодействия. В 2019 году Китай обогнал Россию и Польшу и стал крупнейшим двусторонним торговым партнёром Украины с планами инвестировать в базовую инфраструктуру страны, морские порты, сельское хозяйство, сектор ИТ и транспорт²². Украина открыла Центр содействия торговле и инвестициям в рамках инициативы «Пояс и путь» и даже официально провозгласила 2019 год «Годом Китая». Украина также превратилась в крупного экспортёра оружия в Китай: в период с 2000 года по 2018 год Китай был основным импортёром оружия с Украины (см. рисунок 1)²³.

Рисунок 1. ОСНОВНЫЕ ПОКУПАТЕЛИ УКРАИНСКОГО ВООРУЖЕНИЯ, 2000–2018 гг. (млн долларов США)

Источник: Nikkei Asian Review, оригинальные данные SIPRI

Хотя системный сравнительный анализ транслатеральной

²² Weir F. Ukraine in play: How Chinese investments change the game. *Christian Science Monitor*. 21.11.2019.

²³ Nikkei Asian Review. Ukraine is new battleground in US-China fight for influence *Nikkei Asian Review*. 3.09.2019.

дипломатии Китая выходит за рамки данного доклада, представленные выше наглядные примеры говорят о том, что подъём Китая ускоряется за счёт его необычайной способности мыслить, выходя за пределы бинарных систем, и развиваться как дальновидный глобальный преобразователь, приверженный изучению передового опыта у кого угодно и где угодно. Как обсуждалось в предыдущем разделе, такое трансцендентное мышление имеет решающее значение в эпоху неопределённости, когда наша способность экспериментировать, адаптироваться и развиваться подвергается постоянной проверке.

Транслатерализм Индии

Будучи крупнейшей мировой демократией, основанной на принципе цивилизационного разнообразия, Индия сыграла ведущую роль в установлении инклюзивных глобальных партнёрств. В 2021 году Индия будет принимать 13-й саммит сообщества БРИКС с целью стимулирования открытого диалога по инновационным решениям проблем глобального управления, включая продолжающуюся пандемию *COVID-19*. В отличие от эксклюзивных клубов белых европейцев (Европейский союз) группа БРИКС воплощает дух транслатерального плюрализма, охватывая различные расы, религии, цивилизации и политические системы в государствах Латинской Америки, Центральной Евразии, Южной и Восточной Азии и Африки.

В рамках группы БРИКС и за её пределами Индия за последние десятилетия также наладила устойчивое военное и экономическое партнёрство с Россией. По словам индийского профессора Анурады Ченой, «двусторонние отношения между Индией и Россией уходят корнями в историю взаимного доверия, совместимости и интересов, у которой мало аналогов»²⁴. Профессор кафедры Жана Монне и директор программ региональных исследований Европы в Университете Джавахарлала Неру Гулшан Сачдева также подчёркивает, что «в самом широком смысле индийская элита считает, что сильная Россия важна для поддержания желаемого международного равновесия, идеи многополярности и основанной на правилах международной системы, в рамках которой Индия

²⁴ Chenoy A. M. India and Russia: Allies in the international political system // *South Asian Survey*. 2008. V. 15 (1). P. 49–62.

может продолжить своё развитие»²⁵. Конструктивное партнёрство Индии с Россией высоко ценится и российской стороной. Российские эксперты Алексей Куприянов и Александр Королёв утверждают, что «Россия и Индия находятся в уникальной ситуации: ни одна пара стран сравнимого веса не имеет столь крепких исторических и политических связей при полном отсутствии конфликтов в прошлом и обозримом будущем»²⁶. С 2014 года Индия ещё больше укрепила свои связи с Россией и стала крупнейшим покупателем российской военной техники²⁷.

Практика транслатерализма в Индии глубоко уходит корнями в её исторический опыт. Индии западный нарратив «демократической солидарности» против автократии представляется политической фантазией. Начнём с того, что борьба Индии за демократию началась как борьба против крупнейшей «демократической» мировой державы – Соединённого Королевства. После индо-пакистанской войны 1971 года якобы демократические Соединённые Штаты отказались от «демократической солидарности» с Индией; вместо этого Вашингтон разместил военные корабли Седьмого флота в Бенгальском заливе для оказания поддержки военному режиму Пакистана и неприкрыто угрожал демократическому правительству Индии демонстрацией силы²⁸. Пережив этот мучительный опыт, многие индийские учёные и политики пришли к выводу, что гегемония Запада является главным вызовом постколониальному демократическому правлению в Индии.

Хотя западные лидеры пытались изобразить зарождающийся Четырёхсторонний диалог по безопасности между Индией, Японией, Австралией и США в качестве «демократической» коалиции против «автократических» держав Индо-Тихоокеанского региона, Нью-Дели постоянно критиковал такой бинарный подход как препятствие на пути

²⁵ Sachdeva G. India's relations with Russia / Scott D. (ed.) // *Handbook of India's International Relations*. 1st Edition. London/New York: Routledge, 2011. P. 221.

²⁶ Куприянов А., Королёв А. Евразийская хорда, океанское кольцо. Россия и Индия как третья сила нового миропорядка. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 11.09.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/evraziyskaya-khorda-okeanskoe-koltso/>.

²⁷ Moscow Time. India's Russian Arms Purchases Hit "Breakthrough" \$14.5Bln, Official Says. *Moscow Times*. 5.09.2019.

²⁸ Bass G. J. The Indian way of humanitarian intervention // *Yale Journal of International Law*. 2015. № 40. P. 227–294.

к инклюзивному глобальному порядку²⁹. Например, в сентябре 2019 года Совет по международным отношениям США организовал политический диалог между бывшим послом США в Индии Фрэнком Виснером и министром иностранных дел Индии Субраманьямом Джайшанкаром. В ходе этого мероприятия бывший заместитель помощника госсекретаря по Южной Азии в период администрации Обамы Алисса Эйрс спросила: «Как фактор демократии влияет на восприятие Индией своей внешней политики?». Импровизированный ответ Джайшанкара был действительно информативным. Несмотря на то, что министр иностранных дел Индии признал стратегическую проблему, создаваемую подъёмом Китая, он также подчеркнул, что «немалая часть трудностей нашей истории связана с тем, что у США был образ страны, последовательно поддерживающей пакистанские военные диктатуры». В конце своего выступления министр иностранных дел Джайшанкар подчеркнул, что «в мире невозможно вести дела только с людьми, которые думают так же, как вы. Это не работает на рынке, это не работает на улице, это не работает в международных отношениях»³⁰.

Не желая оставаться в ловушке разделяющего бинарного мышления, Индия стремится реформировать мировой порядок путём создания межсекторальных партнёрств, которые выходят за традиционные разделительные линии. И хотя у Индии затяжной пограничный конфликт с Китаем, Нью-Дели стремится к более тесному взаимодействию с Пекином через такие транслатеральные платформы, как группа БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Вместо того, чтобы требовать от России выбора стороны в индийско-китайском конфликте, Нью-Дели умело использует свои тесные отношения с Россией в качестве канала связи с Пекином³¹. Несмотря на все проблемы, подобная практика транслатерализма составляет основу стремительного взлёта Индии, которая находится на пути к тому, чтобы стать самой густонаселённой страной в мире и третьей мировой экономической державой.

²⁹Jiji Tsushin. “Chuugoku houimou” ni ondosa: Nichibeigouin, anposhoku usuku [Diverging positions on the “containment” of China: Cooperation among Japan, America, Australia, and India entails limited security aspects]. 13.03.2021.

³⁰CFR. A Conversation with Foreign Minister Subrahmanyam Jaishankar of India. CFR Event. 25.09.2019. URL: <https://www.cfr.org/event/conversation-foreign-minister-subrahmanyam-jaishankar-india-0>.

³¹Roy S. Why Russia has emerged a key player amid India, China tensions // *India Express*, 23 June 2020.

Транслатерализм Японии

Пример современной японской внешней политики говорит о том, что транслатеральная дипломатия не полностью несовместима с договорённостями об альянсе. Несмотря на то, что внешние отношения Японии по-прежнему опираются на японо-американское двустороннее сотрудничество в области безопасности, Токио наладил конструктивные отношения с множеством государств, в том числе с такими «антизападными» странами, как Мьянма, Иран и Судан. В 2014 году Япония неохотно присоединилась к антироссийским санкциям, чтобы продемонстрировать своё согласие с атлантическими державами, но одновременно предприняла ряд конкретных шагов для развития отношений с Россией. В 2016 году администрация Абэ приняла исключительный пакет сотрудничества, чтобы укрепить статус России как *seikatsukankyō taikoku* («ведущей страны с благоприятными условиями жизни») посредством взаимовыгодного сотрудничества³². В рамках этого плана подписано около 400 соглашений и разработано более 200 конкретных проектов³³. Как отмечает эксперт Валдайского клуба Антон Беспалов, «в условиях нарастающей конфронтации между Россией и коллективным Западом Япония оказалась в роли одного из немногих представителей западного мира, настроенных по отношению к Москве если не благожелательно, то хотя бы нейтрально»³⁴.

В течение длительного времени японские политики придерживались принципа *seikei bunri* (отделения экономики от политики) и отказывались использовать экономические соглашения как политический инструмент. В ноябре 2019 года бывший генеральный секретарь НАТО Андерс Расмуссен объявил, что Соглашение об экономическом партнёрстве между Японией и ЕС (подписанное в 2018 году) является краеугольным камнем «европейско-японского альянса надежды» и что «демократии должны совместно противостоять автократии»³⁵. Всего через год после

³² МИД Японии (2019). План сотрудничества из 8 пунктов (План сотрудничества для инновационной реформы в промышленности и экономике для России как ведущей страны с благоприятными условиями жизни). URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html>.

³³ МИД Японии (2021). Ход реализации «Плана сотрудничества» из 8 пунктов. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/common/file/8-point-plan-ru.pdf>.

³⁴ Беспалов А. Россия и Япония в поисках стратегической эмпатии. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 16.04.2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-i-yaponiya-v-poiskakh-strategicheskoy-empatii/>.

³⁵ Rasmussen A. Building a Euro-Japanese Alliance of Hope. *Project Syndicate*. 19.11.2019.

этого заявления Расмуссена, в ноябре 2020 года, Япония присоединилась ко Всеобъемлющему региональному экономическому партнёрству во главе с Китаем, продемонстрировав, что разделяющая бинарная логика «демократия против автократии» не находит отклика во внешней политике Японии. Будучи крупнейшим поставщиком официальной помощи в целях развития китайскому правительству с 1970-х годов, Япония фактически сыграла ключевую роль в подъёме Китая, в то время как Китай многое перенял из передового опыта меркантилизма, государственного капитализма и девелопментализма Японии³⁶. Современные западные обозреватели утверждают, что китайская «автократия» пытается подорвать жизнеспособность «демократического» мирового порядка, продвигая нечестные экономические методы, дипломатию чековой книжки, обременяющую бедные страны долгами, предлагая помощь при слабой озабоченности правами человека, развивая хищнические массовые инфраструктурные проекты с разрушительными социально-экологическими последствиями и демонстрируя экспансионистские морские притязания с помощью военного укрепления тихоокеанских островов³⁷. Обычно остаётся незамеченным, что эти обвинения копируют западную критику японского «ревизионизма» в 1980-х и 1990-х годах³⁸. Как подчёркивает экономист из Йельского университета Стивен Роуч, «в 1980-х годах Япония изображалась как величайшая экономическая угроза для Соединённых Штатов, и обвинения в краже интеллектуальной собственности были лишь частью очернительской кампании США. Тридцать лет спустя американцы превратили Китай в злодея, хотя им, как и три десятилетия назад, стоило бы посмотреть в зеркало»³⁹.

Во многих отношениях чудесный подъём экономики Японии после 1945 года был обусловлен её способностью синтезировать многочисленные (и часто противоречащие друг другу) ценности

³⁶ См. также Harris T. The Surprising Strength of Chinese-Japanese Ties // *Foreign Affairs*. 4.05.2021.

³⁷ См., например, Naim M. Rogue aid // *Foreign Policy*. 15.10.2009.

³⁸ Например, с конца 1980-х годов Япония укрепляла Парасе-Вела (Окиноторисима) – небольшой островок в Тихом океане, который составляет южную границу морской территории Японии. Построив искусственные укрепления вокруг Парасе-Вела, Япония выдвинула экспансионистские претензии на свои исключительные экономические зоны в Филиппинском море и вызвала критику со стороны китайских, тайваньских и южнокорейских политиков. В 2016 году Япония силой задержала тайваньские рыболовецкие суда в районе Парасе-Вела. *Nikkei Shinbun* (2016). Taiwan, okinotorishima de gyomin hogo he, junshisen ga shukkou [Taiwan to deploy patrol ships around okinotorishima]. 1.05.2016.

³⁹ Roach S. S. Japan then, China now // *Project Syndicate*, 27.05.2019. Об «экономической войне» Японии с США см. Huntington S. P. Why international primacy matters // *International Security*. 1993. V. 17 (4). P. 68–83.

и идентичности с открытым мышлением⁴⁰. Действительно, правящая Либерально-демократическая партия Японии сама по себе является транслатеральной коалицией, в которую входят, среди прочих, глобалисты, меркантилисты, консерваторы, прогрессисты, националисты, либералы, секуляристы и религиозные деятели. Таким образом, Япония – это страна одновременно современная и традиционная, демократическая и авторитарная, западная и незападная, азиатская и неазиатская и так далее. Такой репертуар небинарных государственных идентичностей позволил японским политикам взаимодействовать с широким кругом международных партнёров и учиться на различных новаторских методах. С 2020 года такие широкие сети помогли Японии изучить передовой опыт различных партнёров (включая Китай), разработать эффективные меры борьбы с глобальной пандемией и стать одной из наименее затронутых коронавирусом стран мира.

Транслатерализм России

Сенсационные нарративы стремятся представить Россию как «автократическую» мировую державу, неустанно готовящуюся напасть на соседние демократические страны. По словам американского политолога Ларри Даймонда, «Владимир Путин делает мир безопасным для автократии», следовательно, «демократия – его враг»⁴¹. Однако у таких заявлений нет прочной научной основы⁴². Марлен Ларюэль пишет:

«Следует отметить парадокс того, что изображение России как тоталитарного врага Запада частично продвигается правительствами Польши и стран Балтии, которые являются гораздо более этнонационалистическими, чем режим Путина. Более того, США поддерживают гораздо более авторитарные режимы, чем Россия, например, в Саудовской Аравии или режим Сиси в Египте, не выставляя их в эссенциалистских терминах как врагов Запада»⁴³.

⁴⁰ См. также: Hagström L. The “abnormal” state: Identity, norm/exception and Japan // *European Journal of International Relations*. 2015. V. 21 (1). P. 122–145.

⁴¹ Diamond L. Democracy demotion: How the freedom agenda fell apart // *Foreign Affairs*. 2019. V. 98 (4). P. 17–25.

⁴² См. Way L. A. The limits of autocracy promotion: The case of Russia in the “near abroad” // *European Journal of Political Research*. 2015. V. 54 (4). P. 691–706.

⁴³ Laruelle M. Accusing Russia of fascism // *Russia in Global Affairs*. 2020. V. 18 (4). P. 115. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/accusing-russia-of-fascism/>.

Что ещё более важно, здесь не учитывается тот факт, что растущее глобальное влияние России в Евразии и за её пределами значительно усиливается её транслатеральными партнёрскими отношениями с крупными «демократическими» державами по всему миру, включая граничащие с Россией.

Возможно, те, кто утверждает, что Россия нападает на «демократии» по соседству, никогда не были в этом регионе или, во всяком случае, никогда не общались с демократами в Нью-Дели, Токио и Сеуле. С 2014 года Индия, Япония и Южная Корея – самые густонаселённые и экономически мощные демократические страны по соседству с Россией – постоянно углубляют свои связи с Москвой и помогают российским гражданам противостоять давлению западных санкций. Как говорилось выше, Индия за последние годы укрепила своё военное и экономическое партнёрство с Россией, а Япония приступила к осуществлению плана сотрудничества из восьми пунктов, чтобы сделать Россию «ведущей страной с благоприятными условиями жизни». Южная Корея установила безвизовый режим с Россией в 2014 году, отказалась присоединиться к антироссийским санкциям и в 2017 году запустила новую северную политику, направленную на дальнейшее улучшение двусторонних отношений с Россией.

На мировой арене крупные демократические державы – Бразилия, Индия и Южная Африка – последовательно поддерживали Россию в противостоянии западному интервенционизму. После украинского кризиса бразильский учёный в области международных отношений Оливер Штюнкель отмечал:

«...Озабоченность Запада по поводу Крыма является просто доказательством того, что авторитетные державы по-прежнему считают себя высшими арбитрами международных норм, даже не подозревая о своём лицемерии. Отвечая на вопрос, какая страна представляет наибольшую угрозу международной стабильности, большинство бразильских внешнеполитических деятелей и наблюдателей назвали бы не Россию, Иран или Северную Корею, а США⁴⁴».

Во время ливийского и сирийского кризисов Индия, Бразилия и Южная Африка в принципе поддержали позицию России в СБ ООН и подвергли критике попытки Запада превратить гуманитарные трагедии

⁴⁴ Stuenkel O. Why Brazil has not criticized Russia over Crimea // *NOREF Policy Brief*. May 2014. Oslo: Norwegian Centre for Conflict Resolution.

в гегемонистскую игру за власть⁴⁵. В Европе администрация Владимира Путина поддерживала тёплые отношения с Грецией (член НАТО) и Австрией (член ЕС) даже после 2014 года. Совсем недавно латиноамериканские демократии стали основными сторонниками российской вакцины «Спутник V». Хотя некоторые атлантические элиты оппортунистически продвигают бинарный нарратив «автократической» угрозы России «демократическому» международному порядку во главе с США, этот тип грубого бинарного мышления не находит поддержки у народов Европы, которые обычно обладают более открытым мышлением, чем их элиты.

Когда в рамках опроса общественного мнения, проведённого Европейским советом по международным отношениям в 2019 году, европейских граждан спросили: «На чью сторону должна встать ваша страна в конфликте между США и Россией?», то подавляющее большинство ответило: «Ни на чью» (см. рисунок 2)⁴⁶.

Рисунок 2. НА ЧЬЮ СТОРОНУ ДОЛЖНА ВСТАТЬ ВАША СТРАНА В КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ США И РОССИЕЙ?

Источник: European Council on Foreign Relations, ecfr.eu

⁴⁵ См. Abdenur A. E. Rising powers and international security: The BRICS and the Syrian conflict // *Rising Powers Quarterly*. 2016. V. 1 (1). P. 109–133.

⁴⁶ Dennison S. Give the people what they want: Popular demand for a strong European foreign policy // *ECFR Policy Brief*. No. 10.09.2019. URL: https://ecfr.eu/publication/popular_demand_for_strong_european_foreign_policy_what_people_want/.

Отсутствие в России жёсткой единой идеологии позволило ей наладить межсекторальные партнёрские отношения с различными игроками по всему миру. Москва углубила свои отношения с коммунистическими однопартийными государствами – Китаем и Вьетнамом, но это не помешало ей заручиться поддержкой более либерально настроенных государств – Южной Африки, Бразилии и других латиноамериканских демократий. Администрация Путина отстаивает православные христианские ценности, но при этом она объявила ислам и другие религии исконными конфессиями российской нации, разрешила мусульманским меньшинствам практиковать исламское/обычное право⁴⁷ и сохранила свою позицию единственной крупной европейской державы, участвующей в Организации исламского сотрудничества. Действуя в духе транслатерализма, Россия не дискриминирует своих партнёров по признаку расы, религии, цивилизации, типа режима или каких-либо других политических ярлыков. С бинарной точки зрения это может показаться отсутствием «последовательности» или чисто стратегическим оппортунизмом. Но транслатерализм определённо повысил общую устойчивость российской внешней политики, объединив её партнёров (не-единомышленников) и расширив горизонт её дипломатических действий по всему миру.

Заключение

В этом докладе представлена новая аналитическая концепция транслатерализма и утверждается, что транслатеральная дипломатия необходима для выживания и процветания в неспокойном мире. В условиях формирующегося транслатерального мирового порядка практика глобального упорядочивания в основном осуществляется через неформальные договорённости, основанные на гибких сквозных сетях. Организационная цель транслатерального мирового порядка заключается не в стремлении к установлению

⁴⁷ Lazarev E. Laws in conflict: Legacies of war, gender, and legal pluralism in Chechnya // *World Politics*. 2019. V. 71 (4). P. 667–709.

усиленного контроля над глобальными процессами, а в поощрении экспериментаторства и взаимного обучения с целью максимального развития коллективного творчества⁴⁸. Как показано выше, транслатерализм уже является глобальной нормой, применяемой крупными державами различных нормативных ориентаций, и эти державы, вероятно, приобретут ещё большее значение в ближайшие годы.

Развитие транслатерального миропорядка влечёт за собой очень важные последствия для внешней политики России. Как говорилось выше, Россия уже наладила обширные транслатеральные партнёрские отношения с государствами разных народов, религий, цивилизаций и политических систем. Несмотря на это, многие российские политики по-прежнему выказывают рефлексивное сопротивление дискурсу демократизации, в основном из-за негативных воспоминаний о «цветных революциях». Если Россия хочет стать сильнее на выходе из продолжающейся пандемии, Москве необходимо выйти за рамки обычных бинарных подходов и творчески переосмыслить то, как продвижение глобальной демократизации может принести пользу национальным интересам России. В прошлом демократизация Латинской Америки укрепляла отношения России с латиноамериканскими демократиями, разрушая проамериканские военные диктатуры. В Латвии демократизация помогла росту пророссийской партии «Согласие», а в Черногории демократизация дала возможность коалиции пророссийских партий победить прозападных действующих политиков на парламентских выборах 2020 года.

Радикальные демократические реформы в других странах могут создать краткосрочные внешнеполитические вызовы для России, особенно когда они продвигаются через революционные потрясения и вмешательство, направленные на смену режима. Однако в долгосрочной перспективе глобальная демократизация может выступить в качестве фактора, способствующего внешнеполитическим действиям России. Как говорилось выше, успешный подъём Китая обусловлен

⁴⁸ Ричард Хаасс и Чарльз Купчан также подчеркивают исключительную важность инклюзивности и неформальности. Haass R. N., and Kupchan C. A. The new concert of powers: How to prevent catastrophe and promote stability in a multipolar world // *Foreign Affairs*, 23.03.2021.

его способностью развивать транслатеральное партнёрство, выходящее за рамки обычных разделительных линий. Будь то Египет после 2012 года или Украина после 2014 года, Пекин умело использовал открытость демократизирующихся обществ как точку входа для создания новых партнёрств.

В свете этого необходимы дальнейшие исследования, чтобы определить, как и при каких условиях глобальная демократизация может повысить возможности России в её внешнеполитических действиях. По сути, аналитическая концепция транслатерализма позволяет нам взглянуть на глобальные дела под новым углом, не зашоренным обычными бинарными представлениями, которые стихийно ограничивают наше воображение. Такой фундаментальный сдвиг крайне необходим в эпоху углубляющейся глобальной неопределённости, когда господствующая одержимость бинарными подходами является препятствием на пути к открытому и процветающему будущему.

 ValdaiClubRu
 valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
 @RuValdaitweets
valdai@valdaiclub.com